

Entrepreneurship and Charity: studies on the Socio-legal Portrait of a Russian Woman (19th-early 20th centuries)

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-70-83

Research article
Full text in Russian

Based on information from the history of Russian law on the peculiarities of the legal status of Russian women and historiography on entrepreneurial activity and social service of Russian women of the 19th century-early 20th century, gender-colored characteristics of relevant economic and social practices of representatives of various classes, vivid examples of women's entrepreneurship and charity are proposed; legal and other prerequisites for the social activity of Russian women of this period are summarized; In comparison with the European situation, the progressive components of their legal capabilities, mentality, business success and needs for social service are stated.

Keywords: Russian woman of the imperial period; legal prerequisites for property independence; trends in some gender equalization of opportunities; episodes of «women's history»; portraits of women entrepreneurs; features of women's social service

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Предпринимательство и благотворительность: этюды к социально-юридическому портрету российской женщины (XIX – начало XX века)

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-70-83
УДК 340.15

Научная статья
Полный текст на русском языке

На основе информации истории российского права об особенностях правового статуса российской женщины и историографии о предпринимательской деятельности и социальном служении российских женщин XIX – начала XX века предлагаются гендерно окрашенные характеристики соответствующих экономических и социальных практик представительниц различных сословий, яркие образцы женского предпринимательства и благотворительности; обобщаются юридические и иные предпосылки общественной активности российских женщин данного периода; констатируются, сравнительно с европейской ситуацией, прогрессивные компоненты их правовых возможностей, менталитета, успешность в бизнесе и потребности в социальном служении.

Ключевые слова: российская женщина имперского периода; юридические предпосылки имущественной самостоятельности; тенденции некоторого гендерного выравнивания возможностей; эпизоды «женской истории»; портреты женщин-предпринимательниц; особенности женского социального служения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда
Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Примерно в середине XX в. социальная история, наряду с другими своими характеристиками, оказалась гендерно дифференцирована: появились, сначала этюды, а затем – портреты «женской истории» (her story наряду с his story), включая «оттенки и краски» психологического, экономического, собственно исторического, а также и правового смыслов и реалий жизни женщины, о ее традиционных и меняющихся со временем занятиях в семье; об эволюции ее общественного и юридического статуса, женского труда [1–2], политической активности [3]; эмансипации и контрэмансипации; о жизни под властью отца и мужа [4, с. 607–648]; об одиноком материнстве [5–7]; о феминизме [8]; социальном служении [3]. Очевидно, что каждый временной отрезок этой истории обладает своим характером, сущностными особенностями. Это в полной мере относится и к периоду, избранному нами в качестве объекта более пристального внимания, прежде всего в контексте «портретирования» женских образов – одного из способов сложения общей картины общественного бытия российской женщины.

Рассуждая об историко-правовых предпосылках относительной самостоятельности русских женщин, И. А. Покровский подчеркивал: «По счастливой исторической случайности наше русское право, вообще отставшее от права западноевропейского», стоит в вопросе об имущественном режиме в супружестве «в передовой шеренге», закрепляя раздельность собственности супругов, позволяя распоряжаться своим имуществом и др., в том числе женам – без согласования с мужем; когда данный принцип в нашем законе появился, – вопрос «темный и спорный»¹, однако с ним мы «впереди Европы» и «одной трудностью у нас меньше» [9, с.188].

Как отмечает Н. Л. Пушкарева, произошло некоторое «выравнивание» статусов мужчины и женщины; «московская старина», с ее затворничеством, «теремным сидением» девиц высших сословий, лишением женщин дееспособности, вопреки противодействию «ретроградов», отступила [10], хотя, разумеется, и не со всех позиций института мужской власти над женой (и детьми)². «Весь XVIII век, несмотря на отдельные примеры противоположного свойства, – подчеркивал Г. Ф. Шершеневич, – представляет собою последовательный ход развития личности женщины». Споры и колебания в имущественном вопросе, продолжал автор, в начале следующего века разрешились полным признанием ее имущественной самостоятельности³ [4, с. 614]. Означенные решения, среди прочего, явились также одной из значимых предпосылок особого эволюционного пути российского женского предпринимательства, общественной деятельности и «женской истории» в следующем за веком восемнадцатым девятнадцатым столетии

¹ Не без участия, однако, русских императриц, сочувствовавших женской доле (а перед тем – Петра Великого).

² Как известно, и в политическом, и в образовательном, и в цивилистическом контексте гендерная дискриминация просуществовала в правовом силовом поле до октябрьской революции. О правовом статусе жены и дочери см., например, [4, с. 607–644].

³ Подробнее об этом см. также работы автора статьи о браке [11, с. 21–37].

и начале столетия двадцатого. В то же время вынуждены подчеркнуть, что, наряду с прогрессивными позициями, в имперском законодательстве, вплоть до его замены законодательством революционного периода (1917–1918 гг.), сохранялась и классика дискриминации в отношении семейно-правового статуса женщины: власть отца и мужа над ее юридической (и фактической) личностью, почти полный запрет развода, допущение судебных исков о водворении жены к мужу, единоличная ответственность за судьбу незаконнорожденного ребенка [12]. В некоторых случаях это преодолевалось доброй волею мужчины (отца, мужа, опекуна, близкого родственника, временного сожителя), что, впрочем, составляло не тенденцию, а исключение из традиционных обыкновений, поддерживаемых законом.

Несмотря на доминирование дискриминационных позиций, означенная добрая воля некоторых (прямо скажем – немногочисленных) представителей мужского страта, ряд прогрессивных компонентов имперского законодательства (спасибо Петру Великому, императрицам Екатерине и Елизавете), пассионарность российских женщин из различных сословий (с нестандартным характером, мышлением и поступками как следствие первых двух штрихов к портрету) создавали предпосылки для постепенного, но последовательного формирования в российском обществе среды для появления все большего числа женщин относительно самостоятельного типа – и в семье, и в общественной деятельности, и в бизнесе. В последнем принимали участие представительницы различных групп населения рассматриваемого периода.

Так, например, особую нишу занимает хозяйствование и предпринимательство женщин из старообрядческой среды. В историографической доктрине подчеркивается, что доля старообрядцев-предпринимателей среди экономических субъектов XIX – начала XX в. была в пересчете на численность старообрядческого населения пропорционально выше соответствующего значения среди населения иных групп⁴. Их мотивация к активной торгово-промышленной деятельности объясняется в науке доминантами, особенностями вероучения, соответствующими ценностями, социально-психологическими установками, а также антистарообрядческой государственной политикой, которая данную мотивацию лишь усиливала, придавала социальным практикам старообрядцев хотя и нетипичные, но весьма эффективные формы. При этом ролевые позиции женщины в старообрядчестве были довольно сильны и в ряде смыслов и случаев не уступали позициям мужчины: в среде старообрядок наблюдался более высокий уровень грамотности, нежели у иных социальных групп, допускалось творческое начало в толковании вероучения и отстаивании его, а также вполне ощутимое участие в жизнедеятельности общин, в их за-

⁴ О конфессиональном аспекте предпринимательства, соответствующем различии в деловом поведении, при одновременном взаимодействии и взаимообогащении («диффузии») навыков и, как бы теперь выразились, технологий, см., например, труды В. В. Керова [13].

щите от преследования властей⁵. Этому способствовал, как мы уже неоднократно отметили ранее, и общий (благоприятный, пусть и в ограниченном формате) правовой режим, позволявший женщине (прежде всего вдове или «разведенной») наследовать имущество, получать промысловые и купеческие свидетельства и даже оперировать собственностью мужа на основании доверенности.

Так, купеческая вдова-староверка А. Куприянова успешно управляла шерстопрядильной фабрикой (г. Богородск Московской губернии). В руках женщин-староверок находились многие сибирские промыслы, а в старообрядческих селах Западной Сибири основную роль в хозяйствовании и предпринимательстве играли именно женщины. Они же возглавляли и часть фирм на Алтае. В историографии упоминается и о весьма успешных состоятельных женщинах-предпринимателях среди белорусских староверов. Основатель известной династии М. Я. Ребушинский именно жене завещал свое дело, успешно ею продолженное. Одна из самых знаменитых староверок-предпринимателей М. Ф. Морозова, унаследовав от мужа почти все имущество и увеличив оное к 1911 году до 30 миллионов, умело распорядилась активами фабричных товариществ и другим производственным и финансовым капиталом, положила немало сил и умения процветанию семейного дела [14, с. 61–66]. Староверки занимались и благотворительностью, среди целей которой было не только милосердие⁶, но и исполнение конфессионального долга, поддержка старообрядческих общины и церкви.

Имелись яркие образцы женского предпринимательства в дворянской среде, особенно в российских столицах – Москве и Петербурге. Так, две московские суконные фабрики принадлежали адмиральше П. Мятлевой и княгине И. Юсуповой, стеклянный завод – А. Салтыковой, вдове тайного советника⁷. В Петербурге и губернии в начале XIX в. дворянкам принадлежало восемь предприятий: например, баронессе фон Фридерикс – два стекольно-хрустальных завода; А. Полторацкой, супруге действительного статского советника, – винокуренный завод, поставлявший большие партии спирта и водки ко двору, и три металлических завода (ее внучка, А. П. Керн, в своих мемуарах отмечала острый ум и распорядительность бабушки) [15, с. 55–57]. Успешно приумножала свои активы Н. П. Голицына, фрейлина и статс-дама, – последовательно при нескольких императорах. В «Списке

⁵ Подробнее об этом см., например [14, с. 60–61].

⁶ В то же время именно староверка-предпринимательница М. Ф. Морозова, единственная среди российских купчих, была награждена Мариинским знаком «за 25 лет беспорочной службы» в благотворительных заведениях. Приводятся также случаи ее помощи официальной православной церкви и даже иудеям (выделила деньги на восстановление сгоревшей синагоги в одном из местечек Белоруссии). М. Ф. Морозова, получив лишь домашнее образование, считала весьма важным поощрять ученичество к освоению русской классики, награждая отличившихся в том учеников книгами произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и др. См.: [14, с. 64–65].

⁷ Их предприятия находились не только в Москве.

фабрикантов и заводчиков 1832 года» числилось немало представительниц родовой аристократии – княжеских родов Барятинских, Волконских, Вяземских, Голицыных, Долгоруковых, графских – Апраксиных, Толстых, Шереметевых и др. Правовых оснований было три: наследство, дарение, приданое. Внеправовых – личные связи, в том числе с императорским двором, одним из заказчиков российского бизнеса той поры [15, с. 66–69] (впрочем, это характерно не только для рассматриваемой эпохи...). По данным из других, более поздних, источников в Москве наблюдалась следующая динамика женского присутствия в бизнесе: в 1814 г. женщины были владельцами ряда текстильных фабрик, мыловаренного и свечного производств, с 1853 г. дополнительно – кожевенных и химических предприятий, с 1871 и 1890 гг. – сталелитейных и машиностроительных, по переработке серебра, пищевых производств (в том числе водочного и пивного бизнеса) и др. Разумеется, их доля в означенных видах предпринимательства не была в целом доминирующей, однако в ряде сфер – весьма значительной, например в текстильной, кожевенной и пищевой промышленности [16, с. 35–36]. В 1863 г. из 15 ведущих фабриканток шесть владели бизнесом в Московской губернии, две – в Петербурге. В других губерниях женщины, на основе владения, управляли бумагопрядильной фабрикой во Владимирской, шерстомойней – в Харьковской, суконной – в Симбирской, сахарорафинадным заводом – в Киевской, тремя кожевенными заводами – в Казани, Тобольской и Орловской губерниях и т. д.

Среди московского купечества женщины составляли 11,6 %, петербургского – 13 %. Купчих, более старших по возрасту, было несколько больше в Москве [17, с. 55–56]. В историографической доктрине это объясняется определенной патриархальностью древней столицы: в старокупеческих семьях мать (вдова) до своей смерти могла оставаться главой семьи, даже при наличии нескольких взрослых сыновей (эффект «герметичности» московской купеческой элиты); во второй же столице фиксировалось большее число предпринимательниц молодого и среднего возраста. Большинство купчих, как и ранее, имели статус вдов [17, с. 60–62]. Купчихам при мужьях и незамужним девицам при отцах, конечно, свободы предоставлялось с известным «гулькин нос»... Однако факт женского присутствия в купеческом деле, пусть и в специфическом субъектном воплощении, как видим, наличествовал и оказывал определенное влияние на сословное мировоззрение, а также и на некоторое развитие «гендерно нейтрального» (как бы мы теперь выразились) законодательства.

В 60-е годы XIX в. четыре предпринимательницы Петербурга имели крупные промышленные предприятия (две купчихи и две дворянки). Так, А. В. Растеряева, из купечества первой гильдии, мать троих взрослых сыновей, унаследовала от мужа пять предприятий различных отраслей производства и крупную торговлю и управляла бизнесом при стабильных результатах (а как известно, следование и приумножение оной харак-

теристики хозяйствования – дело непростое в любые времена...). Графиня Н. А. Стенбок-Фермор, одна из богатейших женщин России своего времени, получила по наследству от отца восемь металлургических заводов на Урале и другое имущество. Овдовев в 37 лет, она осознала своим главным жизненным интересом именно управление бизнесом, что и осуществляла вполне успешно: ее предприятия занимали второе место по выплавке чугуна и производству железа – после Демидовых. В 1854 году она стала еще и владелицей Пассажа на Невском пр. в Петербурге [17, с. 68–69], что к ее «маскулинному» заводскому делу добавило «феминности» (но не феминизма!).

В Москве из 34 лиц (купчих первой гильдии – по данным на те же 1860-е годы) 17 владели промышленными предприятиями текстильного, кожевенного, водочного, свечного и других видов производств, нередко управляя ими не только умело, но и на основе внедрения инновационных инженерных решений. Так, вдова А. Т. Белова имела шерстоткацкую фабрику, на которой установила паровой двигатель в 15 лошадиных сил и два паровых котла (1865 г.). Из-за производимого шума новейших по тому времени агрегатов она подверглась агрессии со стороны соседей, «жалобившихся» на нее в полицию и канцелярию генерал-губернатора, однако после расследования и соответствующего экспертного заключения свое право на технологическое усовершенствование производства отстояла. Е. С. Быковская, мать шестерых сыновей, после смерти мужа основала семейную фирму, имела конторы и офисы в Москве и Оренбурге – для торговли с Сибирью и Азией [17, с. 70]. Е. Ленова, владелица одной из московских кондитерских фабрик, впоследствии – фабричной сети (известный ныне как «Рот Фронт») «играла партию первой скрипки» в семейном бизнесе (к тому же внеся в его бюджет значительный капитал своего приданого) [18, с.157].

Следует заметить, что в торговле наблюдались элементы женской специализации (или, как бы теперь выразились современные исследователи гендерной истории, – «феминизированные сегменты»). Например, из 7041 торгового заведения Петербурга (1863 г.) продажа еды, табака и предоставление услуг (ресторации, гостиницы, бани, извоз) доминировали среди прочих видов торговли (40,8 % и 33,5 % соответственно), и среди владельцев таких фирм было много женщин (хотя они и не составляли большинства). Явная же «феминизация» наблюдалась в сфере торговли одеждой, текстилем, галантереей, посудой. При этом сословные характеристики предпринимательниц Москвы и Петербурга различались: в первой преобладали представительницы купеческих династий (наряду с дворянками, мещанками, крестьянками и др.), во втором – жены и вдовы военных, среднего и малого чиновничества. В доктрине отмечается, что в означенный период в предпринимательскую среду начали активно «рекрутироваться» не только женщины из чиновничьего сословия, но и служивого дворянства (в отличие от прежнего времени, когда в основном были представлены дворяне поместные), что свидетельствует об эволюции оценки престижности

обсуждаемых занятий [17, с. 74–77] (от себя добавим – и развитию инициативности граждан, в том числе и «слабого пола», обусловленной характером наступившей эпохи). Своеобразным показателем улучшения самоидентификации женщин являются факты присвоения женских имен семейным фирмам. Из других тенденций следует отметить еще две: к концу XIX в. среди предпринимательниц уменьшилось число вдов и, соответственно, возросло количество замужних и незамужних⁸ женщин, а также несколько усилилась полиэтничность женского бизнеса – за счет представительниц самых разных национальностей [18, с. 146–147, 151–152, 166]. Все это с очевидной приятностью отличает российские государственные и общественные гендерные практики от соответствующих практик европейских стран (кичившихся и продолжающих кичиться своим «прогрессизмом, демократизмом, либерализмом и другими «измами» вопреки фактическим обстоятельствам).

В провинции предпринимательство купчих и представительниц других сословий являлось обществу, конечно, скорее редкостью, нежели правилом. Например, в Тамбовской губернии (примем ее в качестве демонстрационного образца) их было наперечет. Во-первых, как и всюду, им, при общей возможности участия в делах, следовало для этого получить согласие мужа⁹ (вариант: его дело, как мы уже отметили ранее, переходило к вдове в порядке наследования) и только затем – купеческое либо промышленное свидетельство («Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» 1863 г.). Как и в Москве, большинство женщин из числа тамбовского купечества имели все же вдовый статус: например, 7 из 8 выкупивших гильдейские и торговые свидетельства (1895 г.) вступили в деловой мир (или существенно активизировались в нем) именно в этом качестве. Их бизнес в основном сводился к «вещам», более дамам понятным, – к торговле продуктами, мануфактурными и галантерейными товарами, мылом, керосином и т. п. Встречались случаи (подтверждая соответствующие обыкновения древней столицы), когда при взрослых сыновьях дело продолжала возглавлять именно вдова (так, П. М. Багрянцева и в 95 лет состояла собственницей керосинового склада и мыловаренного завода) [20, с. 149–151]. Полученное женщинами-предпринимательницами образование, отмечается исследователями тамбовского быта, позволяло некоторым из них выйти за рамки «титульной профессии» и освоить другие виды деятельности. При этом в доктрине также подчеркивается, что в благотворительной дея-

⁸ В историографии, как и в других науках (включая юриспруденцию), используется термин «одинокая женщина», которым по возможности мы манкируем (включая и критику, особенно в ситуации, когда по логике рассуждений должен быть употреблен термин «одинокий мужчина», а вместо него используется нейтральный термин «мужчина» или «мужчина, не состоящий в браке») [19].

⁹ Ограничение, разумеется, не распространялось на незамужних дам, хотя нравы того времени предполагали соблюдение не только официальных правил, но и обычая подчиняться отцовской воле, коя являла собою отнюдь не меньший «барьер».

тельности купчихи не были столь активны, как представители мужской части купеческого сословия (в отличие от дворянок). Если охватывать картину в целом, включая, кроме купчих, и женщин – членов купеческих семей, то их общественное служение сводилось в основном к раздаче милостыни, передаче продуктов и вещей в богадельни, больницы, тюрьмы и т. п., организации благотворительных распродаж и праздников [20, с. 152].

В Ярославской губернии была весьма известна купеческая династия Сорокиных, женские представительницы которой активно пользовались предоставленными законом правами в сфере предпринимательства. Жена Н. Ф. Сорокина, А. Д. Сорокина, дочь и наследница угличского купца Кожевникова, продолжила дело отца. Ее невестка, жена С. Н. Сорокина, урожденная Шапулина, развивала унаследованную от отца семейную торговлю железом и медью в Ярославле, Туле и Москве, а также на Нижегородской ярмарке [21]. Успешная предпринимательская деятельность семьи позволила им стать владельцами крупной недвижимости в Ярославле, в т. ч. домов и имений, отмеченных архитектурной выскательностью [22, с. 87, 89, 91].

Определенной известности достигла принцесса Ольденбургская, урожденная княгиня Е. М. Романовская: за четверть века она своим активным и успешным хозяйствованием превратила в зажиточный уездный центр Рамонь (Воронежская губерния), свечной и свекловичный сахарный заводы (впоследствии – и кондитерскую фабрику) – в весьма успешные предприятия, а на 7000 акров земли организовала процветающее хозяйство с элементами социальной ориентации (с образцовой школой, больницей, детским садом, столовой, общежитием; водопроводом, электрификацией; жилищной ссудой для мастеров и инженеров), с животноводческой и коневодческой фермами, железной дорогой и т. д. [23]. Не можем удержаться от реплики: заслуживает восхищения...

В историографии отмечается, что в 90-е годы XIX в. не только столичное, но и региональное (провинциальное) женское предпринимательство в целом действительно несколько расширило свои границы и видовое разнообразие. Так, дополнительно к приведенным образцам следует упомянуть сибирскую купчиху М. А. Гусеву (мельничное и сахарное производства – с. Шушенское близ Минусинска Енисейской округи). Особо выделить – вдову и незамужних сестер Алексеевых (Анну, Любовь и Анфису) из Нижегородской губернии, коллективно владевших после мужа и отца производством (в около сотни кузниц) разнообразных ножей (столовых – с перламутровыми, стальными, костяными и другими черенками, а также и ножей перочинных), бритв, ножниц, хирургических, слесарных, плотничьих и прочих инструментов (их ножи славились и в Европе, получив медаль на всемирной выставке в Лондоне 1862 г.); за время данного коллективного женского управления годовое производство выросло в два раза; был также учрежден завод по изготовлению столовых приборов во Влади-

мирской губернии. К развитию писчебумажного и полиграфического дела провинциальные предпринимательницы также имели «прикосновение» (43 из 352 предприятий – по Перечню 1897 г. принадлежали им): из наиболее крупных – типография Е. Д. Безценной в Архангельске, С. Сыркиной – в Вильне, Е. И. Гребенщиковой – в Воронеже, Н. А. Сентяниной – в Орле и др. [18, с. 147–148].

Активность российских женщин (преимущественно предпринимательниц, но также и жен/вдов/дочерей, в ином качестве, не обусловленном бизнесом) проявляла себя в сфере не только социального служения в благотворительности (в форме перечисления средств), но и участия своим трудом в делах общественного призрения (в масштабах значительных), учительства, литературного творчества и др.¹⁰. При этом благотворительность в дореволюционной России в целом (без гендерной дифференциации) имела масштабы, вполне достойные. В исторических научных очерках приводится суждение одного из ученых-историков XIX в. (М. Погодина): «Наши купцы не охотники еще до истории. Они не считают своих пожертвований и лишают народную летопись прекрасных страниц. Если счесть все их пожертвования за нынешнее столетие, то они составили бы такую цифру, какой должна бы поклониться Европа» [24, с. 3]. И вновь не удержимся от реплики: душа воспаряет от прочитанного...

К социальному служению были приобщены жены чиновников высокого ранга, владельцев мануфактур и т. п. Например, Т. В. Голицына (жена генерал-губернатора Москвы Д. В. Голицына) содействовала развитию образования: в 1825 г. ею был организован Дом трудолюбия для дочерей младших офицеров и чиновников, на полном пансионе (в последующем – Елизаветинский институт, работавший вплоть до 1917 г.). М. К. Морозова (жена промышленника М. А. Морозова) была соучредителем религиозно-философского общества памяти В. Соловьева, покровительствовала известным композиторам и художникам. А. А. Абрикосова (жена фабриканта А. И. Абрикосова) открыла при фабрике мужа детский сад, организовала в Москве родильный приют. А. В. Алексеева (жена городского главы Москвы) также благотворительствовала образованию, а по завещанию оставила полтора миллиона рублей на содержание двух городских училищ [24, с. 5–8]. Немалые пожертвования были направлены на развитие Московского университета: княгиня Е. Р. Дашкова, Первый президент РАН, передала в дар редкости, собранные ею более чем за 30 лет (свыше 15 тыс. предметов); купчихи Кулакова – оборудование и 10 тыс. рублей (1826 г.), А. В. Алексеева – средства для 5 стипендий нуждающимся студентам юридического факультета (1831 г.), Ф. И. Ушакова – для стипендий студентам и преподавателям, готовившимся к профессорскому званию (1889 г.), В. А. Алексеева – средства на аналогичные цели; А. К. Медведникова, вдова

¹⁰ Домашний и крестьянский труд, часто весьма тяжелый, обременительный, оставляется нами за скобками, так как к категории «активности» не причисляется.

крупного промышленника, – для выплаты семи стипендий студентам медицинского, юридического, исторического, физико-математического факультетов; В. А. Морозова, владелица Тверской мануфактуры, пожертвовала полмиллиона рублей медицинскому факультету (для учреждения психиатрической клиники и проекта клинического городка – 1882 г.), а позднее – средства на строительство Ракового института (1903 г.); Ю. И. Базанова, потомственная почетная гражданка, оплатила строительство и обеспечение деятельности клиники ушных, носовых и горловых болезней (в итоге – более миллиона рублей (1894–1896 гг.); встречались и анонимные благотворительницы (1880, 1902 гг.) [25, с. 372–374, 376, 387–390]. Таким образом, женщины-«пассионарии» осуществляли социальное служение как в своем классическом (о ту пору) качестве, так и в рамках предпринимательской деятельности.

Своеобразной формой социального женского предпринимательства являлась деятельность некоторых женских объединений. Так, например, учрежденное в Ярославле «Общество взаимопомощи женщин» (1910 г.) для поддержки нуждающихся «сосестер» в качестве источника средств имело не только благотворительные взносы, но и доходы от благотворительных распродаж, концертов, лекционных курсов; при нем были организованы бюро для поиска работы женщинам «интеллигентного труда», коммиссионный отдел по продаже изделий ручного труда [26, с. 66] (чем не труда «самозанятых!»). В этом смысле подобные общественные учреждения явились как бы прообразом современных некоммерческих организаций социальной направленности, которые для реализации своих уставных целей (и в рамках учредительных документов) осуществляют ту или иную коммерческую активность – в качестве дополнительной и соответствующей букве и духу своего прямого предназначения (помощь многодетным семьям, гражданам с инвалидностью и т. д.). Сходную констатацию можно адресовать и частным школам (а также и частным детским садам), организованным и управляемым женщинами. Например, в г. Ярославле в начале XX столетия действовали три таких школы (П. Д. Антиповой, С. Г. Вахромеевой, О. Н. Корсунской), ремесленные классы Сорокиной и детский сад О. И. Нечаевой. (К слову следует заметить, что Ярославская губерния по уровню грамотности занимала четвертое место в Европейской России и первое – среди губерний с земствами и земскими школами, а в гимназиях обучалось в полтора раза больше девушек, нежели юношей (по состоянию на 1897 г.)) [27]. Однако при этом вынуждены констатировать, что подобные «некоммерческие организации» все же, как правило, были фактом и иллюстрацией мужского доминирования: как показывают результаты исследования таковых в ряде центральных губерний Российской империи (Владимирской, Костромской, Ярославской), «филантропические» общества в около 90 % случаев возглавляли мужчины – как и членствовали в них (конец XIX – начало XX в.), что объяснялось ценностными ориентирами

о предназначении женщины (хранительницы семейного очага и т. п.), хотя со временем женское присутствие все же достигло 50 % [28].

Предложенная «картина» истории женского предпринимательства и общественного (социального) служения в России, хотя и исполненная «отдельными мазками», тем не менее позволяет свидетельствовать о нескольких тенденциях и предпосылках в его эволюции: 1) российской истории известны яркие образцы инициативных, пассионарных женщин – участниц деловой и общественной активности; 2) означенная пассионарность нередко окрашивалась в благородные тона благотворительности и работы в сфере общественного призрения; 3) в качестве правовых предпосылок женского предпринимательства и служения явились «вольности», дарованные имперским законодательством женам, дочерям и вдовам в части владения и распоряжения собственным имуществом (чего не наблюдалось в «просвещенной Европе»); 4) в определенный период основными субъектами женского делового участия были вдовы из дворянского и купеческого сословий, однако к концу XIX в. представительство жен, дочерей, незамужних женщин расширилось, в том числе по возрасту, социальной структуре (к купчихам и поместным дворянкам добавились женщины из семей военных, чиновничьих, мещанских, крестьянских кругов, служивых дворян); субъектный состав также стал более полиэтническим; 5) предпринимательство и сопряженная с ним благотворительность расширяли, несмотря на институт власти отца и мужа, горизонты женского бытия, создавали основу для развития личности женщины, а нередко – и ее имущественного благополучия (или, по крайней мере, улучшения материальных условий жизни). К 1917 году российская женщина (пусть как некая абстракция, собирательный образ – в качестве этюдов к портрету) уже созрела для объявления и последовательной реализации равноправия в семье, труде и общественной деятельности. Впрочем, и через сто лет после формирования означенных предпосылок столь непростая в своем достижении цель выравнивания не только формально-юридических, но и конкретно-бытийных гендерных позиций продолжает оставаться «маяком эволюции» [29–30]. По-прежнему (и всегда) российским женщинам есть к чему стремиться, а российским политическим и общественным деятелям и законодателям, по мере сил и возможностей, следует оптимизировать все виды социальных практик, обеспечивающих «лучшей половине человечества» предпосылки для достойной самореализации в семье, общественной деятельности и деловой активности.

Ссылки

1. Сьюллеро Э. История и социология женского труда. М.: Прогресс, 1973. 239 с.
2. Пушкарева Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51–64.

3. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебникъ русскаго гражданского права. Казань, 1905. 795 с.
5. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
6. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 22, № 7. С. 68–84.
7. Тарусина Н. Н., Федотов А. К. Очерки женской и мужской ментальности в российских институтах супружества и родительства (до середины XIX в.) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18, № 3. С. 426–439. DOI 10.18255/1996-5648-2024-3-426-439.
8. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004. 318 с.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. 354 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).
10. Пушкарева Н. Л. Правовая основа женской имущественной самостоятельности и предприимчивости в Российской империи конца XVIII – начала XIX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни России: история и современность: материалы международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Верременко. М., 2016. С. 346–351.
11. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
12. Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. 616 с.
13. Керов В. В. Конфессиональные основы деловой культуры и делового поведения предпринимательских сообществ России XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Серия История России. 2008. № 3. С. 51–64.
14. Керов В. В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 60–69.
15. Ульянова Г. Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2020. № 3. С. 50–81.
16. Ульянова Г. Н. Женщины – владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история: ежегодник. 2008. М.: РОССПЭН, 2009. С. 32–58.
17. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история: ежегодник. 2014/15. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 54–82.

18. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е гг.: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016/17. М.: Институт российской истории РАН, 2017. С. 140–169.

19. Тарусина Н. Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 3. С. 115–122. DOI 10.26456/vtpravo/2022.3.115.

20. Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. Женщина купеческого сословия г. Тамбова в конце XIX - начале XX века: штрихи к социальному портрету // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 171. С. 145–155. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-145-155.

21. Обнорская Н. В. Ярославские промышленники Сорокины (история рода в первой половине XIX века) // Путь в науку: сб. науч. работ студ. и асп. / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1998. Вып. 4. С. 38–40.

22. Городская усадьба в архитектурной среде Ярославля: от классицизма до модерна. Ярославль: Ремдер, 2009. 166 с.

23. Заякина И. А., Давыдова А. Р. Женское предпринимательство в дореволюционной России (на примере Е. М. Ольденбургской) // Исследовательская инициатива. МНЦП «Новая наука». М., 2023. С. 42–52.

24. Зубанова С. Г. Опыт социального служения и частной благотворительности в России: исторический аспект // Актуальные вопросы социально-психологических исследований. М., 2015. С. 3–11.

25. Ульянова Г. Н. Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX – начало XX в.) // Экономическая история: ежегодник. Т.: 2004. 2004. С. 371–399.

26. Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Женщины и профессионально-политические организации в Ярославской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 60–69.

27. Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Женщины и образование в конце XVIII – начале XX в. (На примере Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 44–54.

28. Котлова Т. Б., Добрынина А. М., Яковлева И. И. Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях (К вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX – XX веков) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 11–25.

29. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 1. С. 131–146. DOI 10.17803/1729-5920.2022.182.1.131-146.

30. Tarusina N.N., Ivanchin A.V., Isaeva E.A., Koneva E.V., Simonova S.V. Women in the Domain of Law in Russia: Emancipation and Counter-Emancipation // Kutafin Law Review. 2022. Vol. 9, No. 4. P. 740–773. DOI 10.17803/2313-5395.2022.4.22.740-773.